

ПОКА ДОМ ПОМНИТ

МИРА РОВЕН

18+

Мира Ровен

Пока дом помнит

<https://litres.ru/74697067>

SelfPub; 2026

Аннотация

Марта Лесс умеет восстанавливать магические связи между камнем, деревом и металлом. Крупный заказ на ремонт Серой пристани обещает ей расплатиться с долгами и открыть собственную мастерскую. Нужно лишь привести в порядок старый дом графа Северина Роаля.

Но некоторые повреждения слишком тщательно скрыты. Под поздними починками Марта находит следы давней трагедии, о которой в городе предпочитают молчать. Продолжая работу, она рискует уничтожить улики. Останавливая её — оставить людей в опасности.

Северин помогает ей искать ответы. Его внимание становится всё труднее принимать за обычную заботу заказчика, а встреч с ним Марта ждёт даже после самых тяжёлых дней.

Только чем ближе она подбирается к правде, тем яснее понимает: хозяин Серой пристани знает больше, чем говорит.

Марта приехала сюда ради собственной свободной жизни. Теперь ей впервые хочется остаться — рядом с человеком, которому всё труднее доверять.

Содержание

Глава 1. Мука на чёрном сукне	4
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Мира Ровен

Пока дом помнит

Глава 1. Мука на чёрном сукне

Печь треснула, когда госпожа Корс спросила, нельзя ли закончить ремонт после утренней выпечки.

Я стояла перед открытым устьем на коленях. Трещина, которую хозяйка ещё вчера описала как «с волосок», проходила через три камня и пряталась под слоем побелки. Медная игла в моей руке дрогнула. Между пальцами натянулась льняная нить.

— Из пекарни надо выйти, — сказала я.

Дина посмотрела на противни. На каждом лежало по двенадцать надрезанных булок, и тесто уже начинало оплывать.

— Марта, у меня заказ к девяти.

Я убрала иглу. Из шва над устьем высыпалась тонкая струйка песка.

— Сначала выйдем. Потом поговорим о девяти.

Она услышала что-то в моём голосе и больше не спорила. Толкнула своего подмастерья к боковой двери, подхватила с лавки денежную шкатулку. Ей было почти пятьдесят, она двадцать лет вставала затемно и могла по одному запаху определить, что пора вынимать хлеб. Я понимала, чего ей

стоило оставить эту печь.

Сама я пока оставалась на месте.

От арки отделился ещё один белый осколок. Камни расходились медленно, с сухим похрустыванием. Если выпадет замковый, за ним уйдёт передняя кладка; дальше всё зависело от того, насколько добросовестно сложили дымоход. Я не собиралась это выяснять.

В раскрытой сумке лежала разгрузочная скоба. Хорошее кованое железо, два винта, стопор с потёртой зелёной отметкой. Отец каждый год перекрашивал его, уверенный, что я когда-нибудь перепутаю синий и зелёный. Он умер, а я всё ещё берегла остаток его краски.

Я поставила скобу между каменным простенком и нижней опорой печи. Верхний винт пошёл туго. На третий оборот из арки донёсся низкий щелчок.

— Не надо, — сказала я камню и навалилась на рукоять. Над моей головой открылась дверь с улицы.

— Закрывается! — крикнула я.

Послышался мужской голос:

— Мне нужна госпожа Лесс.

— Ей тоже много чего нужно. Выйдите.

Винт подался. Я дотянула его до отметки и протянула нить между скобой и трещиной. Сначала следовало проверить опору. Стена отозвалась ровным сопротивлением; за ней не было пустоты, сырого подвала или замазанного дверного проёма. Я сделала первый узел.

Нить потемнела.

Скоба приняла нагрузку с коротким металлическим звонком, но нижняя подкладка сдвинулась по мучной пыли. Всего на толщину ногтя. Хватило, чтобы я перестала дышать.

— У двери мешок с песком, — сказала я. — Придвиньте ко мне. Не подходите к печи.

Я не знала, остался ли мужчина. Но через мгновение возле моего локтя заскользил плотный полотняный мешок.

— Достаточно?

— Да. Теперь отойдите за прилавок. Если начнёт падать кладка, выходите во двор. На улицу через эту дверь не успеете.

Он послушался.

Я присыпала пол песком и зафиксировала подкладку. Железо удержало камень. Нить перестала резать палец, и только тогда я позволила себе вдохнуть.

Дальше можно было работать.

Из коробочки я вынула три тонких шамотных клина. Два отложила: слишком светлые, другая плотность. Третий раскрошила на ладони, смешала с сухим составом и осторожно заполнила щель. Пот стекал по виску, под воротником щекотало. От печи несло жаром, а указательный палец уже холодел.

Я протянула новую нить, взяла иглу чуть выше обычного и нашла край старой связи.

Когда камни были подогнаны хорошо, они принимали по-

чинку почти без усилия. Тут мешали годы копоти, поспешная перекладка и железный прут, который кто-то зачем-то вбил поперёк шва. От него пришлось отвести связь в сторону. На это ушло ещё немного тепла из руки.

Я затянула последний узел и разрезала нить.

Печь стихла.

Некоторое время я слушала её, опираясь ладонью о колесо. По улице проехала телега. Снаружи Дина объясняла кому-то, что хлеб будет позже. Голос у неё был такой, будто задержку устроили лично городские власти.

Мужчина стоял за прилавком. На чёрном рукаве возле запястья белела мука.

— Теперь можно подойти? — спросил он.

— Можно позвать хозяйку.

Он открыл боковую дверь. Я выпрямилась, слишком быстро перенесла вес на затёкшую ногу и ухватила за край стола. Мужчина повернулся. Сделал одно движение ко мне, но остановился, когда я подняла руку.

Хорошо. Хоть кто-то сегодня понимал простые жесты.

Дина вошла со шкатулкой под мышкой.

— Ну?

— До вечера печь не топить. Угли выгребсти, когда я уйду. Скобу не трогать. Завтра утром вернусь и разберу нижний ряд.

— А эти?

Она посмотрела на противни.

— Попросите у Бертов место в печи.

— Они возьмут половину выручки.

Я промолчала. Дешёвого решения у меня не было, и Дина это знала. Она поставила шкатулку на стол, сердито смахнула со щеки муку.

— Сколько?

— За всё четыре кроны. Вместе с завтрашним камнем.

— Ты говорила две.

— Вы говорили «с волосок».

Она поглядела на печь, потом отсчитала две серебряные монеты.

— Остальное после ярмарочного дня.

— Хорошо.

Дина завернула в бумагу круглый хлеб, сунула мне под локоть и лишь тогда разглядела посетителя. Я увидела, как изменилось её лицо. Она вытерла ладони о передник.

— Ваша светлость.

Я тоже посмотрела на мужчину.

Лет тридцати пяти. Тёмные волосы, коротко подстриженные у висков, спокойное лицо с неровной светлой полосой возле подбородка. Дорогой сюртук сидел без единой складки, если не считать той, которую оставил мешок с песком. Мужчина потёр большим пальцем меловое пятно у манжеты, заметил, что я смотрю, и перестал. Я отвела глаза слишком быстро. Ещё не хватало смущаться перед человеком, которого только что выгнала из пекарни.

— Госпожа Корс, — ответил он.

Он знал её фамилию. Впрочем, она висела снаружи на вывеске.

Я нагнулась за сумкой. Холодные пальцы не удержали застёжку, и та выскользнула.

Мужчина наклонился, но я успела первой.

— Вы искали меня?

— Да. В вашей мастерской было оставлено объявление, где вас можно найти до десяти.

— Тогда вы видели и часы приёма.

— С одиннадцати. Я приду.

Он отступил, освобождая мне дорогу. Я прошла мимо, стараясь не прижимать к груди хлеб так, будто его собирались отнять.

Уже на пороге я оглянулась:

— С рукава лучше стряхнуть сухой щёткой. От воды останется пятно.

Он опустил взгляд на муку.

— Благодарю.

Снаружи подмастерье грузил противни на ручную тележку. Дина вышла следом за мной и придержала дверь.

— Ты ему хоть дерзила не слишком?

— Ещё не знаю. Кто это?

Она понизила голос:

— Роаль. Северин Роаль.

Мешок с инструментами ощутимо потяжелел.

Об этом человеке в Лирне рассказывали многое. Чаще всего — что шесть лет назад он запер брата в собственном доме, а к утру получил титул и всё остальное.

Я посмотрела на свои испачканные колени.

За первый час знакомства я приказала ему выйти, притащить мешок и спрятаться за прилавком.

Он, по крайней мере, умел слушаться возле аварийной кладки.

К одиннадцати пальцы почти согрелись. Я проверила их на лоскутке шерсти: зажала край, провела большим пальцем по основе. Нити различались, но хуже, чем обычно. Значит, до второй половины дня никаких связей.

Эда сидела на подоконнике моей мастерской и ела хлеб Дины. Тёмная типографская краска въелась ей в кожу возле ногтей; волосы были кое-как заколоты наборной шпилькой. На юбке сохли три круглых пятна дождя, хотя дождь кончился ещё ночью.

— Ты опоздала к своей же записке, — сказала она.

— Пришлось спасать завтрак на Мучной.

— Судя по хлебу, частично удалось.

Она подвинула мне бумагу с ломтями. Рядом лежал конверт с печатью гильдейской кассы. Я заметила его ещё с порога и теперь отрезала от хлеба слишком большой кусок.

— Когда принесли?

— Полчаса назад. Мальчик хотел оставить под дверью, я

взяла.

Я прочла уведомление стоя. Всё было аккуратно: остаток ссуды, срок, перечень залога. Медные иглы, две скобы, набор стекла, отцовские стамески. Писец перечислял вещи так, словно уже раскладывал их по ящикам кассы.

Двести десять крон. Восемнадцать дней.

В жестяной коробке под столом у меня лежало девять крон и семь грошей. Две кроны, полученные от Дины, пока оставались в кармане. До конца недели следовало заплатить за комнату и уголь. Я сложила письмо по прежним сгибам.

— У Агны есть место, — сказала Эда.

Я подняла голову.

— Она просила тебя со мной поговорить?

— Она заходила заказать бланки. Сказала, что ей нужен самостоятельный мастер. Я спросила про жалованье.

— И?

Эда назвала сумму. При таком жалованье я могла платить за комнату, есть мясо два раза в неделю и за год расплатиться с кассой. При условии, что откажусь от собственных заказов, отдам Агне лучшие часы дня и буду брать разрешение на работу вне гильдии.

Я положила конверт в ящик.

— Это хорошее место.

— Да.

— Ты ждёшь, что я добавлю «но»?

— Я жду, что ты поешь. Со своими решениями разбе-

решься сама.

Она слезла с подоконника и поставила чайник на маленькую плиту. Я любила её за это умение не продолжать разговор, когда самое неприятное уже было сказано.

Мастерская занимала две комнаты над красильной лавкой. В первой я работала. Во второй стояли узкая кровать, таз и шкаф, дверца которого держалась на честном слове, поскольку чинить собственные вещи я всегда собиралась в последний свободный вечер. У окна лежала дубовая створка с выломанной петлёй — заказ судового лекаря. За неё обещали три кроны. Если закончить сегодня, завтра утром я смогу вернуться к Дине.

Я мысленно расставляла эти мелкие заработки, и каждый раз в конце оставалось одно и то же пустое место.

В дверь постучали.

Ровно одиннадцать.

Эда посмотрела на меня, потом на хлеб в своей руке.

— Ты кого-то ждёшь?

— Возможно, неприятности.

— Тогда хлеб я оставлю.

Она открыла дверь раньше, чем я успела подняться.

Северин Роаль стоял на лестничной площадке один. Муку он счистил. В руке держал плоскую кожаную папку, в другой — перчатки.

Эда узнала его сразу. Её взгляд метнулся ко мне, но расспросы она оставила на потом.

— Я зайду вечером, — сказала она. — Если будешь работать допоздна, хотя бы зажги обе лампы.

Она забрала с подоконника свой плащ, кивнула гостю и ушла. Северину пришлось прижаться к перилам, чтобы пропустить её на узкой лестнице.

— Здесь низкая притолока, — предупредила я.

Он пригнул голову.

В мастерской я указала ему на стул без трещины в спинке. Он сел только после того, как села я, и положил папку на свободный край стола, подальше от инструмента.

Свет из окна падал ему на руки. На правой, между большим и указательным пальцами, виднелись старые следы ожога. От такого остаётся кожа, которая плохо тянется. Я успела подумать, удобно ли ему держать перо, прежде чем вспомнила, зачем он пришёл.

— Вы предлагаете работу?

— Обследование. Если согласитесь — восстановление дома.

— Какого дома?

— Серой пристани.

Название не сделало предложение привлекательнее.

Дом Роалей стоял у северного устья, над старым устоем. С воды были видны его длинная галерея и тёмное крыло, в котором после наводнения так и не зажгли окон. Я никогда там не бывала. Большие дома чаще поручали большим мастерским с учениками, поверенными и чистыми парадными

перчатками.

— У вас повреждены связи устоя?

— Временная перевязка в северном крыле перестала держать расчётный предел. Требуется разъём старого узла и восстановление без потери первоначальной кладки.

Я придвинулась к столу.

— Кто делал перевязку?

Он назвал мастерскую. Хорошую, дорогую, уже закрывшуюся после смерти владельца.

— Когда?

— Шесть лет назад.

— На какой срок её рассчитывали?

— На три года. Потом дважды продлевали по осмотру.

Я посмотрела на него внимательнее.

— Почему вы пришли ко мне?

— Вы имеете допуск к самостоятельному разъёму смешанных конструкций. И работали на Малом рыбном мосту.

— Там я только обследовала опору. Ремонт передали другим.

— Я читал заключение.

За этим стояла история, которую мне не хотелось вспоминать перед богатым заказчиком. Хозяин рыбных рядов требовал убрать из протокола замечание о просадке. Я отказалась, лишилась оплаты за второй день и потом ещё месяц слушала, что молодой мастер должен уметь находить общий язык.

— Вы сохранили снятый образец, — продолжил граф. — Хотя вас просили заменить его новым после зачистки.

— После зачистки там был бы другой образец.

— Именно.

С улицы донёсся протяжный окрик красильщика. Где-то внизу передвинули бочку; дрогнул стакан возле края стола. Я отодвинула его и стала ждать. Заказчики иногда сами говорили самое важное, если не торопить их следующим вопросом.

— Мне нужно сохранить последовательность повреждений, — сказал Северин.

— Для спора со страховщиками?

— В том числе для возможного разбирательства.

— Возможного?

Он провёл пальцем по корешку папки.

— Я не знаю, какие выводы вы сможете подтвердить.

Ответ был разумный. Это мне не понравилось: с неразумным было бы легче отказаться.

Я спросила о планах, доступе, старых актах. Планы оказались в папке. Акты он обещал доставить. О доступе ответил после короткой паузы:

— В некоторые помещения нельзя войти, пока не поставлены дополнительные опоры.

— Это я понимаю. Но после установки меня туда пустят?

— Да.

— И никаких работ до фиксации состояния.

— Согласен.

— Я не подписываю чужих заключений.

— Вам предложат подписать ваше.

Он говорил без раздражения. Пока. Я всё ещё слышала голос Дины у дверей пекарни и пыталась совместить его с человеком, который сидел на моём старом стуле.

— На какую сумму вы рассчитываете?

— Девятьсот крон. Расходы на материалы, опоры и помощников отдельно.

Я взялась за чашку. Ручка была тёплая, и я ощутила её каждым пальцем, кроме указательного.

Девятьсот.

Я могла отдать долг, купить собственное стекло вместо гильдейского прокатного, снять мастерскую, в которой не пахло протравой. Нанять помощника на тяжёлую работу. Впервые за одиннадцать месяцев у меня возникло будущее длиннее платёжной недели.

Я поставила чашку.

— Это много для частного дома.

— Дом стоит на приливном устье. И у нас восемь недель до освидетельствования.

Вот теперь цена обрела смысл.

— Если я не успею?

— Аварийную часть разберут.

— Если успеть невозможно?

— Я хочу узнать это сейчас.

Я развернула один из планов. По северной стене шла толстая синяя линия, возле неё стояли три чужих подписи. Под ними было оставлено место для следующей. Я знала, как выглядит такая пустота на хорошем чертеже: для кого-нибудь обязательно найдётся.

— Сегодня я могу посмотреть, — сказала я. — Только посмотреть. После пекарни я не стану брать ещё одну нагрузку. Его взгляд на мгновение задержался на моей руке.

Я убрала её с плана и продолжила:

— За обследование двенадцать крон. Независимо от того, возьмусь ли я за остальное. Полный договор составим после расчёта. Аванс, если дойдёт до него, две сотни сорок. И я хочу иметь право остановить работу, если она опасна.

— Двенадцать сейчас?

— Да.

Он достал кошелёк. Я считала монеты, стараясь делать это с обычной скоростью.

Потом достала лист и записала условия обследования в двух экземплярах. Пока граф читал, я прикидывала, не завысила ли цену. Потом вспомнила тонкие пальцы подмастерья Дины, который каждое утро подсовывал дрова под эту кладку, и перестала.

Северин подписал оба листа. Почерк у него был мелкий и ясный, перо он действительно держал иначе — дальше от сгиба большого пальца.

— Пришлю за вами повозку к двум, — сказал он.

— Я дойду.

— С инструментами?

— Я умею их носить.

Он посмотрел на сумку возле моих ног, потом снова на меня.

— В повозке будет место для того, что понадобится оставить в доме. Отказаться от подряда можно и после поездки в ней.

Мне стало досадно: он слишком быстро понял, с чем я спорила.

— К двум, — согласилась я.

Он встал и убрал планы в папку, оставив мне один экземпляр.

У двери я всё-таки спросила:

— В том крыле погиб ваш брат?

— Да.

Северин не отвернулся и не сделал вид, что вопрос его оскорбил. Вблизи я заметила у него под глазами усталые тени.

— Мне нужно знать, чего вы ждёте от обследования, — сказала я.

Он помолчал.

— Я не жду, что вы восстановите всё, госпожа Лесс. Впервые за весь разговор он ответил мимо вопроса.

В Серой пристани пахло варёным бельём.

Почему-то я запомнила именно это. За стеной шелестела вода, серые окна смотрели на узкое устье, по ограде тянулись следы соли — и пахло, как в любом большом доме в день стирки. Во дворе женщина в засученных рукавах снимала с верёвки простыни. У двери стояли две пары вычищенных рабочих сапог.

Я поблагодарила возницу. Он кивнул и помог вынуть сумку; тубус с мерными рейками я взяла сама.

Навстречу вышел худой седой мужчина в добротном коричневом сюртуке.

— Госпожа Лесс? Освин Белль, управляющий. Его светлость просил проводить вас. Сумку можно?

— За короткие ручки. Длинная лямка протёрлась.

Он принял её без замечаний. Я оставила себе тубус.

Дом был гораздо шире, чем казался с реки. У главного входа мокли в каменных чашах поздние цветы; один куст вылез из своей опоры и цеплял за рукав. Я поправила его машинально, потом одёрнула себя. Сад мне не заказывали.

На пороге лежал толстый дубовый брус, стянутый по углам латуною. Правый край просел, и дверь задевала его при каждом открывании.

— Давно скребёт? — спросила я.

— С конца зимы.

— После того как разбухло дерево?

Освин подумал.

— Оно скребёт и в сухую погоду.

Я присела, провела ногтем вдоль щели. Под брусом крошился старый раствор.

В прихожей появился Северин. Без сюртука, в тёмном жилете, он казался менее официальным. Рукава рубашки были застёгнуты; из кармана жилета выступал обыкновенный складной метр.

— Хотел показать вам зал, — сказал он.

— Сначала я посмотрю, через что мы туда входим.

Он остановился в двух шагах.

Я спросила у Освина разрешения снять уголок. Он посмотрел на графа.

— По работе спрашивайте меня, — сказала я. — По имуществу — его. Пока это только два винта.

— Снимайте, — ответил Северин.

Освин поставил сумку на каменный пол. Я вынула отвёртку, щётку, тонкий стальной щуп. Иглы оставила в коробке: чувствительность вернулась, но новой связи я себе сегодня не обещала.

Первый винт подался сразу. Второй пришлось смочить маслом. Пока оно впитывалось, я осмотрела стену. Ни сырого пятна над плинтусом, ни вздутой краски. Снаружи море могло бы съесть эту кладку за несколько лет, но здесь её берегли.

— Дверь тогда меняли? — спросила я.

— Створки сохранились, — ответил Освин. — Петли ставили новые. Воду убирали уже после...

Он замолчал.

Я не закончила за него. Вывернула винт, сняла уголок и положила на подстеленную тряпку. Вдоль нижнего края дуба обнаружилась полоска серого состава. Сверху её замазали обычной известью; шесть лет движения двери сделали своё дело, и теперь хватило нескольких проходов щёткой.

Под известью проступила тонкая петля.

Я перестала чистить.

Связь была старой, давно разомкнутой. Сохранился только корешок узла, вплавленный в дерево у внешнего края. Человек без обучения принял бы его за волокно пакли. Мне хватило формы петли и трёх плоских стежков по одну сторону от неё.

Я видела такую работу на крышках карантинных ящиков. Однажды снимала подобный шов с двери склада после пожара: хозяина вызывали, чтобы он подтвердил вскрытие в присутствии городского надзора.

— Кто опечатывал вход после наводнения? — спросила я.

— Аварийная бригада Совета, — сказал Северин. — В акте должны быть фамилии.

— Мне понадобится этот акт. Прежде чем я что-либо здесь трону.

Он подошёл ближе, но оставил мне свет из двери.

— Что вы нашли?

Я отложила щётку.

У карантинного шва было вполне законное назначение.

Им закрывали заражённые помещения, опасные склады, заброшенные выработки. Такой узел переносил усилие на проём и оставлял снаружи контрольную петлю. Иногда это спасало жизни.

Я ещё не знала, что случилось в Серой пристани. Не знала, когда на этом пороге работала бригада и что нашла за дверью. У меня был только небольшой участок старой связи, который теперь следовало сохранить.

— Дом запечатали, когда вынесли вашего брата? — спросила я.

— Так записано.

Я подняла на него глаза.

— А вы это видели?

— Нет. Меня здесь уже не было.

За моей спиной Освин осторожно поставил тубус к стене. В наступившей тишине стук дерева о камень прозвучал слишком отчётливо.

— Это односторонняя связь, — сказала я. — Её можно разомкнуть только с этой стороны.

Северин посмотрел за моё плечо, на светлый прямоугольник открытой двери, потом на маленькую петлю под порогом.

— Снаружи?

— Да.

Я прикрыла найденный участок чистой тряпкой, чтобы случайно не задеть инструментом.

— Если внутри кто-нибудь оставался, открыть ему бы не удалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.